

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 81'42; 811.11

Илья Юрьевич Роготнев
доцент кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
rogotnev05@mail.ru

УМЕСТНЫЕ И НЕУМЕСТНЫЕ ШУТКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДУСТРИИ КОМИЧЕСКОГО¹

Аннотация. В статье на материале современной стэндап-комедии анализируется проблема этической оценки комического высказывания. Комическое рассматривается как игра на противопоставлении нормы и аномалии. Рассматривается понятие сатиры, вводится категория «сатирическая проблематика». Последняя понимается как идеологическая конструкция, позволяющая репрезентировать объекты как аномалии. Проблематика стэндап-концерта Е. Чебаткова связана с восприятием симуляционной, самопародийной стороны социальной действительности, в то время как комик А. Айрапетов предьявляет новую форму исповедальности в комической коммуникации. Реконструкция сатирической проблематики позволяет увидеть в наборе комических объектов авторскую эстетическую стратегию, которая учитывается публикой при оценке шутки как уместной или неуместной.

Ключевые слова: комическое, сатира, сатирическая проблематика, стэндап, публика, этическое суждение, норма.

В нашем обществе широко разделяется убеждение, согласно которому не всякий предмет годится для смеховой игры: над некоторыми вещами смеяться неуместно, «грешно». Всякий комический текст – а текстом я буду называть любой символический продукт, включая телевизионные и сценические шоу – представляет собой игру, в которую приглашен наблюдатель. Когда первый шутит о втором, непременно возникает позиция третьего. Мне *не смешно*, когда я отказываюсь вовлекаться в предложенную смеховую игру. Этическая приемлемость шутки лежит в области субъективных решений; мы, однако, могли бы, пользуясь хорошей теоретической концепцией, отрефлексировать пространство принятия этого решения и стратегии наблюдателя в смеховой игре. В качестве инструмента анализа и критики суждений об уместности/неуместности шут-

ки я предлагаю, в частности, использовать категорию *сатирическая проблематика*.

Основополагающим в предложенном размышлении остается понятие о сатире; именно с ним отечественное искусствознание традиционно связывает комику, обладающую актуальными социальными смыслами, вписанную в политические контексты, взаимодействующую с символическими пространствами общественной идеологии. Комический текст есть эстетически организованная смеховая игра, сутью которой является условная отмена правил, норм и конвенций повседневной жизни [Дземидок 1974; Пропп 1976: 43–48; Козинцев 2007 и др.]. В тех случаях, когда эта игра носит не рекреационный характер, но характер символического поступка (акта критики, познания, агрессии, деструкции и проч.), я предпочитаю говорить о сатире; ср.: «... главным при разграничении сатирических и юмористических произведений является авторская установка: в первом случае – на обличение, во втором – прежде всего на достижение комического эффекта» [Николаев 1993: 17]. Я буду исходить из того, что рекреационные/юмористические тексты нередко обладают сатирическим потенциалом, который обычно актуализируется, когда шутка кажется нам неуместной.

В дополнение к выраженному пониманию сатиры и комического эксплицирую некоторые позиции по вопросам, часто обсуждаемым в специальных работах о комизме и смехе:

1. Основой комического я считаю не семантическую двусмысленность, не внезапное разрешение затруднения, не изображение «дурного» (хотя эта, аристотелевская, точка зрения очень близка к сути дела), но аномалию, которая сконструирована или символически кодирована субъектом как момент игры.

2. Существует мнение, что обязательным элементом комики/юмора должно быть возникновение дополнительного смыслового плана, «резко контрастирующего с первым» [Санников 2002: 21]. Я не разделяю этого подхода и склонен считать его проявлением определенных эстетических предпочтений; аномалия, даже когда она не создает дополнительных смыслов, может работать как комический компонент и вызывать неподдельный смех.

3. Я считаю важным для исследователя не столько доверять своему чувству юмора, сколько стремиться постоянно расширять представления о чувстве юмора в человеческой культуре. Узкие представления о том, что смешно, а что не смешно, иной раз выводят за рамки комического литературную сатиру, поведенческую эксцентрику античных киников и средневековых юродивых или, скажем, «грубый» черный юмор, а также шутки,

которые исследователь может счесть попросту неудачными. Исследователю надлежит иметь широкое понятие о комическом и создавать по возможности детализированные дескрипции конкретных комических игр.

4. Комическое работает на субъективном уровне, оно возникает «не в онтологии, а в прагматике» текста [Радбильт 2007: 688]. Когда речь идет о тексте сатирическом, это, в частности, требует осмысления комической аномалии в контексте идеологического пространства, в которое включены субъекты комической коммуникации.

Сатирический субъект – как «точка зрения», «слово о мире» – несет функцию преобразования банального в аномальное. В произведении мы имеем дело лишь с репрезентацией лиц и обстоятельств из мира автора и его публики. Вместо реалии мы видим её подобие. Сатирическое подобие характеризуется тем, что оно подчеркнуто аномально, приведено в противоречие с нормой. Здесь-то и обнаруживается особая активность сатирического субъекта: он указывает на аномалию, он видит (воображает, конструирует) аномалию там, где другой, вероятно, увидел бы заурядный объект.

Эстетическое отношение, в рамках которого тривиальное предстает аномальным, я предлагаю называть *сатирической проблематикой*. Понятие *проблематика* получает терминологическое значение в работах Луи Альтюссера, посвященных критике идеологии. «Само познание идеологического поля предполагает познание проблематик, которые формируются в нем и вступают друг с другом в противодействие» [Альтюссер 2006: 103]. Если понимать под идеологией символический покров над реальностью, то проблематика вводит субъекта в это пространство – она представляет собой систему вопросов (всегда неверно поставленных), на которые идеология дает субъекту ответы. За проблематикой, по Альтюссеру, скрыты реальные проблемы социально-экономического характера, которые мистифицированы проблематикой как скрытой частью идеологии.

Сатирическая проблематика – способ конституирования символической вселенной как полной аномалий. Уровень сатирической проблематики во многом определяет своеобразие индивидуальных сатирических стилей и вводит в разнообразие комизмов порядок, некоторую стратегию. В герменевтическом опыте адресата, то есть в герменевтическом круге, сатирическая проблематика располагается на полюсе целого, того предположения, которое «набрасывается» на отдельные части. Зачастую реконструкция этого «целого» способна снять недоумения и возмущения отдельной шуткой как частью.

В качестве материала рассмотрим образцы современной стендап-комедии – эстрадного жанра, отмеченного известной вольностью, непод-

цензурностью в комических высказываниях. Наша стратегия будет направлена на уяснение сатирической проблематики текста для интерпретации его комических элементов.

Популярный стэндап-комик Евгений Чебатков – уроженец Казахстана, теле- и радиоведущий. «Евгения Чебаткова часто называют комиком для интеллектуалов. В его выступлениях не бывает открыто скабрёзных шуток или откровенно злого юмора. Даже если он смеется над конкретными людьми, описывая не совсем обычную ситуацию, у него это получается как-то по-доброму. И возможно, именно этот факт выделяет его из сотен других» [Знаменская 2022: эл. ресурс]. Рассмотрим его сольный концерт «Выходи из комнаты» (март 2021) [Евгений Чебатков: эл. ресурс].

Текст выступления выстраивается вокруг темы отца, которая выступает сквозной и структурообразующей: с детских воспоминаний об отце концерт начинается и воспоминанием о его смерти завершается. Отец героя – бандит из «девяностых», который много лет сидел в тюрьме. *«Мой отец сидел в тюрьме, и я только недавно научился произносить эту фразу не как угрозу».*

Текст включает целый ряд нарративов о криминале, насилии, неблагополучной атмосфере Восточного Казахстана. Комические эффекты в этих нарративах, как правило, возникают за счет того, что действительность оказывается, так сказать, самопародийна. Мир напоминает шаблонное телешоу или видеоигру. «Старшаки» на районе, отнимавшие у мальчика деньги и однажды его побившие, представлены через речевые маски (социально окрашенная речь, интонации) и бессмысленные прозвища (*«Антоху звали не Антохой... Китаец был не китаец...»*). Они как бы лишены жизненной подлинности. Комик обыгрывает этот момент, рассказывая и о том, что «Антоха» и его брат-близнец сгорели пьяными на даче. Смерть одного наступила лишь на пару минут позже смерти другого, – подмечает герой, призывая посмеяться над кончиной персонажей, открыто выразить злорадство. Такое отношение к смерти возможно – и поддержано смеющейся публикой – в самопародийной, симуляционной вселенной.

Характерна включенная в концерт пародия на фабулы романов Виктора Гюго, которого комик назвал «другом» своего детства: герои Гюго рождаются с уродствами, оказываются на улице, их преследует полиция и проч. «Черная» сторона жизни представлена как мыльная опера. Гюго есть пародия на жизнь, а жизнь – пародия на Гюго.

Неоднозначной, провокативной в тексте концерта выглядит манера повествования об учителях, бабушке, спортивном тренере, отчасти даже матери и отце – все они не только не справляются со своей воспитатель-

ной миссией, но как бы делают всё наоборот: классный руководитель наносит ребенку травмы психические, тренер – физические, бабушка обучает суевериям, отец – криминальной этике. Но всё это как будто не имеет подлинных последствий и предстает событиями симуляционного мира (видеоигры, мультсериала, квеста).

В полном соответствии с образом мира основными комическими приемами выступают: пародия (прежде всего пародийные интонационные рисунки и моторика), перекодировка жизненных ситуаций на язык экранной культуры (цитаты из массового визуального искусства удачно иллюстрируют «жизнь», и наоборот), доведение комических несоответствий до абсурда (фантастическое развитие нарративов в духе алогизма, обнаруженного в жизни).

Трогательным, эмоционально теплым остается герой концерта. Он выражает любовь к своим близким, о прошлом говорит с ностальгией. Эта эмоциональная окраска оказывается возможна как раз потому, что негативные стороны жизни предстают неподлинными, поверхностными, «настоящее» же угадывается через открытость, жизнерадостность героя.

Итак, сатирическая проблематика в текстах Е. Чебаткова связана с открытием симуляционной стороны жизни (всё дурное обнаруживает неподлинность, самопародийность), чему противопоставлена эмоциональная вовлеченность в мир, любовь и привязанность к близким, которые демонстрирует герой, проходящий жизнь как своеобразный квест. Здесь уместным будет отметить вторичность сатирической проблематики артиста, он воспроизводит весьма характерную для стэндап-комедии идеологическую структуру.

Представляется, что эту вторичную модель обыгрывает и деструктурирует Андрей Айрапетов – популярный комик, уроженец г. Чернушка Пермского края. Он также повествует о депрессивной жизни мальчика, а затем молодого человека в провинциальном городке. Однако его сценический образ явно конституирован глубоким конфликтом, радикальным отчуждением субъекта от среды. Он открыто саркастичен в отношении своего социального мира. Его мир безобразен, уродлив морально и эстетически.

Если в центре нарратива Е. Чебаткова – образ отца, то у А. Айрапетова в концерте «Счастливый человек» [Андрей Айрапетов: эл. ресурс] – образ матери. Герой рассказывает о семейном насилии, бедности, жестокости. Комические аномалии в айрапетовском нарративе можно разделить на две категории: 1) безобразиие мира, отчетливо сгущенное в образе матери, 2) ничтожность самого субъекта (он представляет себя как труса, неудачника, «нытика»).

Судя по всему, публика воспринимает этот нарратив как радикальную искренность, экспериментальную форму исповедальности, не знающей границ. За артистом закрепилось амплуа «инди-комика». Приведу комментарии к концерту «Счастливей человек» с видеохостинга YouTube (орфография и пунктуация сохранена): *«Андрей, мне кажется ты открыл жанр “психологический стендап”, этот оч свежо и искренне. Желаю тебе успехов»*; *«Это уже не стендап концерт, это похоже на перформанс, монолог. Где герой исследует мир, рефлексит над прошлым, иронизирует над тяжёлыми воспоминаниями и ищет ответ на вопрос, что же такое счастье... Это уже искусство»*; *«Чуть не пустила слезу, настолько все честно и жизненно. Колледж, кастрюльки, раскладное кресло-гроб, чьи-то суициды. Монолог доброго человека, который научился быть счастливым. Неси этот свет в массы»* [Андрей Айрапетов: эл. ресурс].

Сатирическая проблематика в данном случае связана с раскрытием безобразия, грубости, пошлости мира, ответом на которые является искренность. Не давая эстетической оценки творчеству А. Айрапетова, я хотел бы подчеркнуть оригинальность его базовой комической структуры. В данном случае мы имеем дело с типом комики, который я предлагаю называть «киническим» (имея в виду прецедент кинической школы философии). В отличие от привычного нам типа сатиры в духе А.Д. Кантемира, М.Е. Салтыкова или М.М. Зощенко, атакующей аномальное, сатирические тексты кинического типа с помощью аномалий атакуют норму, представляют аномальный способ говорить, мыслить и действовать как более разумный и нравственный. Своеобразный этический «эксгибиционизм» айрапетовского героя вызывает комический эффект как безусловная аномалия, но именно он на уровне гештальта, на уровне комического целого утверждается как превосходящее нашу нормативность.

Сатирические проблематики популярных стэндап-комиков, Е. Чебаткова и А. Айрапетова, вовлекают в смеховую игру темы смерти, страданий, травмы, предлагают подвергнуть комическому травестированию отношения мальчика с родителем и учителем, причем явно играют на грани общественной морали. Этическое суждение в данном случае остается за публикой, которая может принять или отвергнуть участие в этой коммуникации. Суждение публики при этом может быть основано не на статичном наборе императивов (в духе: *чти отца и мать; о мертвых либо хорошо, либо ничего*), но на более или менее осознаваемой стратегии данной комической игры. Публика, включенная в смеховую игру с темой семейного насилия, вовсе не обязательно демонстрирует моральное безразличие к предмету – напротив, она выносит суждение в координатах идеологиче-

ской проблематики, которая учреждена комическими актами «сатирического» субъекта.

Примечание

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-412-590006 «Массовая речевая культура Пермского края: трансформация языковой, коммуникативной, этической нормы в XXI веке».

Список источников

Андрей Айрапетов – «Счастливым человеком». Сольный stand-up концерт 2022. URL: <https://youtu.be/21JewAJdEAI> (дата обращения: 26.10.2023).

Евгений Чебатков. «Выходи из комнаты» // OUTSIDE STAND UP. URL: <https://youtu.be/OVPHqRzXRto> (дата обращения: 26.10.2023).

Знаменская О. Евгений Чебатков: «Я не живу со злобой в сердце» // Esquire Kazakhstan. 31 мая 2022. URL: <https://esquire.kz/evgenij-chebatkov-ya-ne-jivu-so-zloboi-v-serdce/> (дата обращения: 26.10.2023).

Библиографический список

Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 с.
Дземидок Б. О комическом / Пер. с польского С. Святского. М.: Прогресс, 1974. 223 с.

Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с.

Николаев Д.Д. Творчество Н.А. Тэффи и А.Т. Аверченко. Две тенденции развития русской юмористики: автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. М., 1993. 24 с.

Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.

Радбиль Т.Б. Природа комического sub specie языковой аномальности // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 686–698.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

I.Yu. Rogotnev

Associate Professor of the Department of Russian Literature
Perm State University

APPROPRIATE AND INAPPROPRIATE JOKES IN THE MODERN COMIC INDUSTRY

Abstract. The article, based on the material of modern stand-up comedy, analyzes the problem of ethical assessment of a comic statement. The comic is seen as a play on the opposition between norm and anomaly. The concept of satire is considered and the category “satirical issues” is introduced. It is understood as an ideological construct that allows objects to be represented as anomalies. The problems of E. Chebatkov’s stand-up concert are associated with the perception of the simulation, self-parody side of social reality; comedian A. Airapetov, on the contrary, presents a new form of confession in comic communication. Reconstruction of satirical issues allows us to see in a set of comic objects the author's aesthetic strategy, which is taken into account by the audience when assessing a joke as appropriate or inappropriate.

Key words: comic, satire, satirical issues, stand-up, audience, ethical judgment, norm.